

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

А. П. Петухова

«БОРЬБА ЗА АУДИТОРИЮ»: МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-80-98

Аннотация. В статье представлена попытка реконструкции системы мышления русских консерваторов-националистов периода поздней Империи. Основанием служит сопоставление формальных и содержательных особенностей их текстов, созданных по поводу «финляндского вопроса». В совокупности эти тексты представляли собой единый «антифинляндский дискурс», созданный в целях оказания влияния на правительство и общественное мнение в вопросе о статусе Великого княжества Финляндского. Однако, их объединяло не только происхождение и содержание, но и общие формальные характеристики: риторические особенности и приемы, лексика, синтаксические конструкции. Важнейшим формальным элементом данного дискурса выступали метафоры. Их можно объединить в несколько условных метафорических моделей: исторические, военные, уголовные, физиологические. Анализ метафорических рядов позволяет сделать выводы не только о степени владения публицистами приемами пропагандистского воздействия на аудиторию, но и о самой логике их мышления. С помощью метафор и связанных с ними в единую систему вспомогательных языковых средств маркировались «свои» и «чужие» социальные страты, описывалось идеальное общество, транслировалось отношение авторов дискурса к современной им ситуации в стране.

Ключевые слова: дискурс, метафора, консерваторы, модернизация, коммуникация, «финляндский вопрос», национальная политика самодержавия

Keywords: discourse, metaphor, conservatives, modernization, communication, Finnish question, the national policy of the Autocracy

Публичное пространство России периода поздней Империи было наполнено напряженной рефлексией по вопросам самоидентификации. К началу правления Николая II страна оказалась на пороге крупных изменений, которые затрагивали самые основы ее существования. Консервативная модель социально-экономического и политического устройства оказалась перед серьезным вызовом. Реформы Александра II открыли шлюзы стихии буржуазных отношений и сделали сохранение традиционной общественной системы в долгосрочной перспективе невозможным. Аграрное общество постепенно превращалось в индустриальное, вертикальные социальные связи уступали место горизонтальным. Сословная структура теряла устойчивость, что грозило монархии утратой прежней социальной базы. Капиталистические процессы, происходившие в фундаменте общественных отношений, ставили под сомнение перспективы сохранения неограниченной монар-

хии. Все перечисленное и составляло, собственно, «кризис старого порядка» в его российском варианте. Все это требовало осмысления.

Приходилось учитывать также конфигурацию сил в мировой политике и тот опыт, который накопили другие заметные ее участницы. Российская империя входила в капиталистическую мир-систему¹. Любая попытка проведения политики изоляции не только не имела «блестящих» перспектив, но обернулась бы серьезными материальными и политическими последствиями. При этом именно капиталистическая модель обеспечила преимущество тем странам, которые к началу XX в. играли первые роли в международных отношениях. Тем самым, определение общего направления внешней политики и выработка стратегии решения внутренних проблем были во многом завязаны друг на друга и тесно переплетались с потребностями модернизации.

Параллельно и в мире, и в Российской империи шел период активного формирования «воображаемых сообществ», строительства национальных государств – или формулирования потребности в таком². Становилась все более актуальной рефлексия над проблемой самоидентификации в сопоставлении с «другими» в условиях борьбы за «место под солнцем»³. В пространстве Империи рождались, развивались и сталкивались различные, часто конфликтующие между собой национальные проекты. Старый порядок или революция, «особый путь» или следование западным образцам, имперское многообразие или национальное государство – привычные категории переоценивались и наполнялись новыми смыслами. Это была эпоха маркирования своих и чужих – в социальном и национальном, в политике и экономике.

Ситуацию в империи еще более усложнял тот факт, что не относящиеся к титульной нации «инородцы» отстаивали право на собственное мнение по всем острым вопросам, а на своих окраинах могли развивать вовсе не тот вариант идентичности, который был бы близок официальному Петербургу. Например, Великое княжество Финляндское нередко воспринималось (как финнами, так и русскими) как «островок» западной социокультурной общности, по воле судеб оказавшийся включенным в Российскую империю. Приведем высказывание А.И. Куприна, бежавшего от революции 1917 г. именно через Финлян-

¹ Использована терминология мир-системного анализа И. Валлерстайна. См. напр.: Валлерстайн. 2003: 143.

² Андерсен. 2001: 30–32.

³ Геллнер. 2002: 164, 168.

дию: «Да и финны... Я их уважаю по-прежнему. Но это люди с другой планеты»⁴. Финляндия напоминала «заграницу» и самому Николаю II⁵.

Балансирование между имперской и национальной парадигмами для власти оказалось непростым. Рождение национальных проектов на окраинах, революционное движение внутри страны и угрозы извне стали зримым воплощением кризиса в глазах консервативных элит и власти. Им предстояло выработать стратегию дальнейшего развития. В этом контексте стала особенно насущной коммуникация между представителями разных идеологий, социальных и политических сил.

Всего несколькими десятилетиями ранее российские «острые вопросы» обсуждались в основном узким кругом лиц в ограниченном пространстве. Это были интеллектуалы в петербургских или московских гостиных, читатели так называемых «толстых журналов», дворяне или разночинцы. Они демонстрировали сходный культурный уровень и близкие интеллектуальные возможности. Перед ними не стояли задачи пропаганды, а также коммуникации с массовым читателем более низкого уровня. К концу XIX в. количество игроков и само игровое поле драматическим образом расширилось. Началась осознанная борьба за аудиторию.

Это был первый опыт сознательного использования приемов манипулирования общественным мнением – что особенно хорошо видно на массовом материале. Пресса стала местом столкновения различных программ и идеологем, – и полем битвы коммуникативных стратегий. Этот период заставляет исследователя быть особенно чувствительным к формальным сторонам изучаемых текстов. Критически важно не только то, что говорилось – но и то, как оно было сказано. Различные языковые приемы выступали инструментом речевого воздействия на аудиторию, а с другой стороны – невольно выявляли те или иные свойства мышления говорящего. Наиболее выпукло это можно показать на примере метафорической структуры рассматриваемых публикаций⁶.

Уже само по себе повышение метафоричности политических текстов в российском общественно-политическом пространстве в конце

⁴ Куприн. 1979: 114. См. также: Бенуа. 1980: 187; Лемке. 1920: 271; Минцлов. 1991: 317–321; Редигер. 1999: 25.

⁵ Ольденбург. 1992: 48.

⁶ Базовой для данной статьи является традиция, заложенная классическими работами Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно этой традиции, метафоры являются не просто красивым элементом текста, но способом концептуализации мира в головах их авторов, фактором, структурирующим их мышление, и одновременно выступающим инструментом влияния на слушателей/читателей. См. напр.: Лакофф, Джонсон. 2008.

XIX – начале XX вв. – маркер кризиса. Так пишут люди, которые вынуждены принимать жизненно-важные решения в условиях альтернативности⁷. Кризисность той эпохи является самоочевидной, но потенциал анализа метафор – гораздо шире. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть его на примере корпуса текстов, созданных в России периода поздней Империи по поводу широко обсуждавшегося тогда «финляндского вопроса».

Это был феномен общественно-политической жизни, который существовал в первую очередь в пространстве массовой коммуникации (и этим отличался от собственно политики властей в крае). Рядовой московский или петербургский читатель правой прессы, ранее интересовавшийся Финляндией разве что по поводу организации летнего отдыха, с конца 1880-х гг. начал систематически получать поданный под определенным углом информацию о проблемах финляндкорусских взаимоотношений. В 1899 г. разговоры о княжестве уже «бесконечно» велись в гостиных, наряду с обсуждением других злободневных проблем⁸. Поводом к обсуждению был конфликт по поводу статуса и «особых прав» финнов. Но его подлинное содержание затрагивало вопросы самоопределения финляндского и русского обществ, видение ими перспектив своего развития.

«Отцом» «финляндского вопроса» выступил еще в 1860-е гг. видный публицист, консерватор, редактор «Московских ведомостей» Михаил Катков. С конца 1880-х гг. его линию продолжили члены небольшой группы интеллектуалов, актуализировавших эти проблемы в поле общественно-политической коммуникации. В нее входили К.Ф. Ордин, М.М. Бородкин, К.И. Якубов, Д.С. Тризна, Ф.П. Еленев, позже – Н.Н. Корево, Н.Д. Сергеевский, в определенной степени Н.С. Таганцев и ряд других. Военные и госслужащие, историки и юристы, – они переместили «финляндский вопрос» из пространства кабинетных штудий в область практической политики. Если выбрать просопографическую оптику исследования, их несомненно можно рассматривать как некое целое – хотя они не были связаны никакими формальными рамками. Все они были консерваторами, исповедовали идеалы «единой и неделимой» России, и – что не менее важно – националистические убеждения. Кто-то действовал только в 1890-е гг., кто-то, как Бородкин, – смог пробиться в высшие эшелоны власти и оставался там до революции 1917-го. В н. 1900-х отдельные члены группы

⁷ Гипотеза голландской исследовательницы К. де Ландсхеер. См. об этом: Баранов, Казакевич. 1991: 17; Баранов, Михайлова, Сатаров, Штотова. 2004: 19.

⁸ Пресняков. 2004: 422.

приняли активное участие в деятельности Русского собрания и Русского окраинного общества.

Они поставили своей целью распространить в «верхах» и в обществе однозначный взгляд на недопустимость «особых финляндских прав», обеспечив тем самым их ликвидацию. Унификация и русификация Финляндии, и при этом «воспитание» национального образа мышления – были побудительным мотивом всех их действий⁹. Они добились немалых успехов в лоббировании своих взглядов и обретении влияния на практическую политику в княжестве. При этом важнейшим методом работы они считали широкое обсуждение «финляндского вопроса» в пространстве массовой коммуникации. Им и их единомышленникам принадлежали тысячи газетных и журнальных статей, отдельных брошюр, исторических и юридических сочинений, докладов и лекций – в которых пропагандировалась необходимость унификации края. Эта совокупность текстов обладала значимыми общими чертами, что позволяет рассматривать ее как единый дискурс¹⁰. «Антифинляндские кампании» шли волнообразно, пика достигли к 1890 г., началу XX в. и в период премьерства П.А. Столыпина. Основными каналами коммуникации были периодические издания консервативного направления: «Московские ведомости» (сыгравшие роль флагамана), к ним чуть позже присоединились «Новое время», «Свет», «Россия», «Окраины России», «Финляндская газета» и ряд других.

По собственному признанию авторов дискурса, им десятилетия приходилось убеждать публику разной степени влияния в важности своего подхода. Финляндия демонстрировала высокую степень лояльности имперскому правительству весь XIX век – и в глазах большинства населения ее проблемы не выглядели сколько-нибудь значимыми¹¹. В процессе этого убеждения публицисты продемонстрировали высокий уровень владения самыми современными на тот момент методиками воздействия на аудиторию. Рассмотрим некоторые из них.

В пространстве русской общественно-политической коммуникации конца XIX – начала XX вв. чрезвычайное распространение получили аллюзии – смысловые и лингвистические – со Смутным временем. Намеренное сопоставление ситуации в России с периодом борьбы

⁹ Они осознанно формулировали это положение, см. напр. переписку М.М. Бородкина с редактором-издателем «Московских ведомостей» С.А. Петровским: ОР РГБ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1, 7. Также можно встретить прямые упоминания в: *Абов*. 1901: 3; *Бородкин*. 1912: 7; *Ордин Б.К.* 1908: 2–3.

¹⁰ *Дейк*. 1989: 113; *Фуко*. 2004: 68.

¹¹ *Ордин К.Ф.* 1908: 4. Также см. напр.: *Епанчин*. 1996: 191; *Куропаткин*. 1922: 25, 60.

с иноземцами за свою независимость, закончившимся обретением русским народом своего легитимного царя, входило в династический миф. Он активно культивировался правящими элитами¹². В риторике «смутного времени» описывали не только глобально-исторические, но и совершенно житейские, даже бытовые сюжеты. Для характеристики своей эпохи эту лексику использовали постоянно¹³. Особенно это культивировалось в консервативной публицистике, поскольку преодоление смуты и становление впоследствии неограниченной власти монарха виделось консерваторам желательным вектором развития современной им России. В этот лингвистическо-смысловой контекст попал и «финляндский вопрос». Метафора «смуты» постоянно присутствовала в антифинляндских текстах, и она же была использована при рассмотрении темы революции¹⁴. «Смута», революция и деятельность финнов подавались как неразрывно связанные между собой явления¹⁵. Таким образом, с помощью языковых средств авторы пытались воздействовать на психологию читателя и закрепить в его сознании и подсознании неприятие революции и неприязнь к инородцам.

Применялись и другие исторические аналогии. Широко использовались аллюзии на тему раздробленности. Последняя, с одной стороны, представляла собой наиболее явно выраженный антипод единой державы, а с другой – имела однозначно негативную коннотацию в исторической памяти. Как и в случае со смутой, весь комплекс приведенной исторической лексики имел сложившиеся устойчивые ассоциативные связи в сознании и подсознании аудитории. Даже не прибегая к грубым лозунгам, обеспечить нужный эффект было несложно.

Лексически это выглядело следующим образом. Россия вместе со своими окраинами обозначалась термином «русское царство». Своим существованием она обязана монархам – «собирателям земель» в «одно тело», а также русскому народу, создавшему Русь «трусами и кро-

¹² Уортман. 2004. II: 705.

¹³ Алексеева-Борель. 2000: 235; Богданович. 1924: 410; Вяземский. 1906: 2-3; Епанчин. 1996: 325, 349, 359; Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914–1916 гг. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 131; Мещерский. 1908: 14; Редигер. 1999: 432, 531; Сухомлинов. 1924: 131.

¹⁴ Бородин. 1907. 1: 7, 9, 11, 14, 20; Гражданин. 1908. № 33–34, С. 7; № 41–42, С. 2; 1910. № 4 (С. 17), 11 (С. 5), 21 (С. 16), 41 (С. 2–3); Новое время. 1906. 10 февраля, 30 марта, 13 июля; 1907, 21 июня; Россия. 1906. № 26. С. 2; 1908. № 692. С. 1; Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 3 (16) марта. С. 2.

¹⁵ Бородин. 1905: 6.

вью», и в силу этого ставшего полноправным «хозяином» её территорий (включая инородческие)¹⁶. Бородкин мог прямо обвинить финнов в подготовке свержения самодержавия и установлении демократии в России, а мог иносказательно описать крушение «воздушных замков маленькой финляндской Фронды»¹⁷, противопоставив единству, государственности и национальности «раздробленную и расчлененную Россию», обязанную своим крушением революционерам, которые, в свою очередь, неразрывно связывались с финнами¹⁸.

Вся эта тематика подавалась в специфической лексике – устаревшей и/или простонародной. Внешние враги именовались «иноземцами», период – «лихолетьем»¹⁹. Публицистами постулировалась необходимость избегать употребления иностранных слов, что приводило даже к образованию неологизмов (космополиты именовались термином «мирограждане») ²⁰. Подобное внимание к языковым нюансам – родовая черта националистического сознания. Этим же объясняется и использование слова «Русь», и преимущественное наименование Российской империи Русским государством, а российских граждан – русскими²¹.

Развитие образа «врага» на страницах антифинляндской публицистики обусловило частое обращение ее авторов к метафорической модели «война». Подчеркивался фактор военной угрозы со стороны финнов (или шведов, или тех, кто захочет воспользоваться их территориями как плацдармом для нападения)²². Финнов называли «враждебно настроенным народом», готовым в любой момент «из тайного врага сделаться явным»²³. Читатель получал четкий и недвусмысленный сигнал о личной опасности: «на великоросса идут с оружием и дрекольем. На него именно идет эта революция. Его именно она хочет поглотить, обессилить и обезволить. Со всех окраин идут крики, что великорусс ничтожен, что он должен уступить и подчиниться... Окраины поднимают оружие против него и грозят»²⁴.

¹⁶ Бородкин. 1905: 14; 1907.3: 8; Новое время. 1907. 7 июля, 1 ноября; Россия. 1908. № 692. С. 1.

¹⁷ Бородкин. 1904: 348, 356.

¹⁸ Бородкин. 1907. 1: 9, 57, 59.

¹⁹ Бородкин. 1907. 3: 21, 27, 28; Гражданин. 1907. № 14. С. 4; Новое время. 1907. 10 мая. С. 1; 1 ноября.

²⁰ Гражданин. 1911. № 38. С. 15; Московские ведомости. 1908. № 108. С. 1;

²¹ Бородкин. 1904: 361; Новое время. 1906. 25 мая. С. 2.

²² Каменский. 1908: 22.

²³ Еленев. 1898: 19, 21.

²⁴ Новое время. 1907. 1 января. Орфография автора сохранена.

Склонность публицистов подозревать финляндцев в антирусских настроениях и действиях сделала логичным и активное использование в текстах метафорической модели «преступление». Особенно актуальной она стала после первой русской революции – финнов не без оснований обвиняли в помощи русским революционерам²⁵. Типичный словарный запас, используемый публицистами при описании финнов безо всякого преувеличения или иронии, выглядел следующим образом: «лиходеи», «злодеи», «смутьяны», «крамольники», «враги земли русской», «мятежные шайки», «вожаки», «обособленники», и прочая «разбойная сволочь»²⁶. При этом темой статьи вовсе не обязательно должна была выступать ситуация на окраине. Финны могли быть упомянуты столь нелестным образом просто в связи с инородческими вопросами или при описании внутрисоссийских проблем. Политические, социальные, этнические термины смешивались с уголовными, эмоционально окрашивались, в результате чего финны оказывались в одном ряду с «бунтарями, громилами, грабителями, разбойниками и бомбистами»²⁷. Метафоры сочетались с задающими ритм синтаксическими конструкциями: «пошли волнения, смуты, грабежи, убийства, расходясь концентрическими кругами от главных городов к окраинам, ...а инородческие заправила достигли своей цели»²⁸. Тем самым, эмоциональный заряд текста усиливался, а тема угрозы безопасности каждому читателю закреплялась в сознании. На финляндском примере в головы обывателей закладывались прочные ассоциации между сепаратизмом окраин, нерусскими национальностями, преступлениями общегосударственного масштаба, грабежами и убийствами.

Воине противостоял желанный мир, а угрозам – искомое чувство безопасности. Закономерно, что в текстах присутствовали также «физиологические», семейные и родственные метафоры. Отметим, что в метафорологии природные и физиологические образы (болезнь и здоровье, жизнь и смерть, свет и тьма, смена времен года и прочие производные) считаются архетипическими²⁹. Они содержат колоссальный потенциал для распространения любой идеологии и мировоззренче-

²⁵ Луото. 1910: 16–26; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб., 1911. С. 3, 11.

²⁶ Бородин. 1905: 15; Владимиров. 1908: 1, 8, 12, 16, 18, 20–22; Гражданин. 1907. № 16; 1908. № 65–66; 1910. №19; Новое время. 1906. 15 августа; 1906. 19 сентября. 27 Новое время. 1907. 10 мая. С. 1.

²⁸ Московские ведомости. 1908. № 61. С. 2.

²⁹ Будаев, Чудинов. 2008: 63; Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

ской системы. Широкая аудитория воспринимает их быстрее, глубже, охотнее, чем любые другие. Одновременно их регулярное использование выдает с головой ту важность, которую придавали этой теме сами авторы текстов, те пласты сознания, которые активировались при обсуждении вроде бы не самых близких среднему российскому политику и публицисту финляндских проблем.

Одной из самых важных черт в системе мышления авторов «антифинляндских» текстов является их апелляция к моральным нормам, аксиологичность. Любопытно, что в исследованиях по метафорологии отмечается связь метафоричности и развития представлений о морали, более того, система морали в целом нередко бывает организована именно вокруг архетипических метафор (семья, здоровье, богатство, справедливость, свет, чистота, целостность и т.д.)³⁰.

Физиологические метафоры в текстах существовали в рамках двух основных метафорических моделей. Одна из них – это «дом и семья». Россия в корпусе «антифинляндских» текстов описывается как «дом», «мать», «семья» с «императором-отцом» во главе. «Чужаки» (финны) несли ей «угрозу распада», «разложения» и «гибели», владели «ключами от русского дома»³¹. «Матерью» самой Финляндии называлась Швеция³², что напоминало читателю о «чуждости» финнов, делающей возможной военную угрозу с севера. При этом реальная значимость финляндского края – источника столь серьезных угроз, – в составе Российской империи представлялась как совершенно незначительная. Публицисты подчеркивали, что своих экономических успехов финны добились за счет помощи русского центра – и мало что смогли дать взамен. На языке метафор окраина была чем-то вроде «постороннего... маленького и темного чулана в огромном русском доме»³³. Такое подчеркнутое несоответствие должно было пробудить в читателях чувство несправедливости и желание восстановить *status quo*.

В тесной связи с метафорами «дома» и «семьи» в текстах нередко использовалась метафорическая модель «тела». Уже само понятие нации могло рассматриваться в контексте «физиологии», с привлечением соответствующих риторических средств. Российская империя была представлена в текстах как «единое тело», «организм», а поляки, евреи, финны (список можно продолжить) уподоблялись «болезне-

³⁰ Лакофф. 2017: 54–55.

³¹ Бородкин. 1907. 3: 28.

³² Бородкин. 1910: 17.

³³ Новое время. 1906. 8 (21) февраля.

творным бактериям», просочившимся в «государственные ткани»³⁴. Аналогично (и часто в одном контексте с национальной проблематикой) оценивалось такое явление, как политические партии. Сама идея партий считалась порочной, приносящей в тело империи болезнь, разлад и неискоренимые противоречия³⁵. Отсюда и «уголовная» лексика в описании партийных лидеров, о чем шла речь выше³⁶.

В рамках этой же модели существовали разнообразные отсылки к телесности. Так, финнов упрекали в «нечистоплотности», называли их «холодным народом», таким же, как и их край (тем самым особенности климата переносились на психоэмоциональные характеристики)³⁷.

В контексте конкуренции с финнами за влияние на карелов публицисты называли «финляндский вопрос» «гангреной, угрожающей заражением всему российскому северу»³⁸. Впрочем, опасность грозила отнюдь не только карельским территориям: «[инородцы, окружив Россию] железным кольцом и отрезав от света и воздуха, ослабив паразитными наростами [стремятся] превратить этот могучий дуб в дуплистое дерево, которое повалится при первом порыве бури»³⁹. Метафоры «тела» тут переплетены с метафорами «дома». Общая выразительность речевых средств, в сочетании с гиперболизацией и гротеском, служила созданию выразительного образа России, «страдающей» от инородцев, «больной окраинами», имеющей перспективу быть окончательно «съеденной ими»⁴⁰. Космополитически настроенную бюрократию упрекали в том, что она отдает русских людей «на съедение финляндскому вампиру»⁴¹. Один из видных авторов данного дискурса издал специальную книжку под заголовком «Ешь меня, собака!» (имея в виду неспособность русских сопротивляться инородческим и прочим актуальным угрозам)⁴². Использование подобных языковых инстру-

³⁴ Гражданин. 1908. № 23. С. 3; Новое время. 1907. 1 ноября.

³⁵ Витушкин. 1906: 10; Новое время. 1907. 22 мая (4 июня). С. 1; Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб., 1910. С. 12–13, 18; Финляндская окраина в составе русского государства. СПб., 1906. С. 44.

³⁶ Гражданин. 1908. № 2, С. 5; 1909. № 87–88. С. 14; Россия. 1910. № 1393; Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 апреля (6 мая). С. 2.

³⁷ Бородкин. 1909: 6, 15; Гражданин. 1907. № 1. С. 3; 1909. № 69–70. С. 5, 14; № 77–78. С. 13; Новое время. 1906. 8 (21) февраля; Россия. 1908. № 891. С. 4; 1910. № 1314. С. 1; 1910. №№ 1366, 1383, 1423, 1436, 1502.

³⁸ Московские ведомости. 1908. № 125. С. 1.

³⁹ Московские ведомости. 1908. № 2. С. 2; Россия. 1910. № 1362.

⁴⁰ Бородкин. 1905: 3.

⁴¹ Гражданин. 1909. № 77–78.

⁴² Сергеевский. 1907.

ментов вызывало рождение нужных ассоциаций у читателя, искомым эмоциональный градус. Повторяясь из текста в текст, «физиологические» метафоры должны были лучше оседать в умах неискушенной аудитории.

Завершая обзор основных метафорических моделей, нельзя не остановиться на ключевых взаимосвязанных концептах в мышлении «антифинляндских публицистов» – единстве и цельности. Формально их нельзя назвать метафорами. Но они выступали связующим звеном между всеми перечисленными выше сюжетами и рядами. Если уподобить метафорические модели ветвям дерева, а отдельные лексические единицы – листьям, то «единство» и «цельность» могут выступить в роли корней. Эти категории определяли все важнейшие составляющие общественной жизни: политическую, социальную, экономическую и культурную. Основополагающий характер начал «единства» и «неделимости» державы был зафиксирован в законодательстве. «Единство и нераздельность» России Бородкин называл своей «первой политической заповедью»⁴³. Корево отмечал, что «во главу здания нашей русской государственности положены единство и нераздельность»⁴⁴. Данные категории встречаются в записках для служебного пользования, в межведомственной переписке, в дневниках и письмах официальных лиц⁴⁵. Именно с ними выстроены многочисленные содержательные и формально-лингвистические связи других речевых единиц в «антифинляндских текстах».

Само по себе частое употребление метафор в рассматриваемой группе текстов очень значимо. Исследователи пишут о том, что политическая метафора – важный инструмент манипуляции общественным сознанием⁴⁶. Как мы видели, метафоры использовались в совокупности с другими лингвистическими приемами, усиливающими эмоциональность и выразительность текста. Это закономерно: еще Ролан Барт указывал, что внутренняя организация текста соответствует его конкретным целям⁴⁷, а Дж. Лакофф обосновывал первичность семантики по сравнению с синтаксисом («семантика, контекст и другие подобные факторы влияли на синтаксис фраз и морфем») ⁴⁸.

⁴³ Бородкин. 1915: 7.

⁴⁴ Корево. 1910: 19.

⁴⁵ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1481. Л. 1; РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁴⁶ Будаев, Чудинов. 2008: 53.

⁴⁷ Юдина. 1993: 58.

⁴⁸ Лакофф. 2017: 36.

В качестве примера, проанализируем два таких приема. Действие метафор и других лексических единиц усиливалось многократными повторениями в рамках одного текста⁴⁹: русские люди «оказались в плену» у «покоренной инородчины», «мы в плену», «мы не заметили иноземного нашествия», инородцы «нас завоевывают, они забирают наше царство»⁵⁰. Изложение материала велось зачастую в форме констатирующих высказываний⁵¹, акцентирование нужных тезисов производилось кроме многократного повтора также с помощью сцепления⁵², серий риторических вопросов, использования восклицательных знаков, выделения важнейших тезисов курсивом и жирным шрифтом. Активно употреблялись конструкции «чуть ли не», «прямо-таки», «поистине» и им подобных. Лингвистами считается, что такая практика дает отсылку к метасмыслу «преувеличение»⁵³ – и это считается непосредственно из текстов. Используемые антитезы позволяли добиться особенной контрастности и яркости текста⁵⁴, а сравнение именно с русскими дополнительно усиливало эффект коллективной интеграции читателя, и таким образом сильнее воздействовало на него.

Вообще противопоставление русским их внутренних и внешних врагов носило системный характер, что является составной частью лингвистического приема, который в современной политологической литературе называется «захватом аудитории», а в теории лингвистического анализа дискурса – «мы-интенциональность»⁵⁵. Для «антифинляндской» публицистики было характерно повествование от первого лица множественного числа. Раз за разом употребляя в тексте местоимение «мы», его авторы тем самым отождествляли себя со своей читательской аудиторией и начинали рассматривать финляндские проблемы с точки зрения «общих» интересов. При этом местоимение ста-

⁴⁹ Неупорядоченный лексический повтор позволяет достичь ощущения убедительности речи, уверенности в сообщаемой информации, он также является одной из фигур речи, повышающих эмоциональность высказывания. См.: *Хазагеров*. 2002: 92, 106–107.

⁵⁰ *Бородкин*. 1907. 3: 146, 152; *Новое время*. 1907. 23 июня; 1 ноября; 1909. 7 февраля.

⁵¹ Спорные факты упоминались, как не подлежащие сомнению. См. об этом: *Остин, Серль*. 2004: 22; *Серль*. 1986: 112–128.

⁵² В том числе анафор, передающих чувство уверенности и особенную настойчивость в убеждении читателя. См.: *Хазагеров*. 2002: 70, 72, 98–99, 138.

⁵³ Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987. С. 82, 84, 88–89.

⁵⁴ *Хазагеров*. 2002: 156.

⁵⁵ *Юдина*. 2001: 30–32.

вилось нередко в национальный контекст: «мы, русские»⁵⁶. Могла использоваться также «политическая» модификация («мы» в смысле верноподданные, далекие от политики и политических партий)⁵⁷. В данном случае читатель оказывался сопричастен некоему виртуальному «целому», непосредственно вовлечен в изложение и на подсознательном уровне воспринимал прочитанные тексты, как написанные о нем и для него, в защиту его интересов. Излишне говорить, что острие этого «мы» было направлено против финнов (и шире – всех врагов русской империи, как внутренних, так и внешних, существующих в контексте «антифинляндского дискурса»).

При этом финляндские и российские реалии рассматривались в едином ключе. Коротко можно констатировать, что в поиске своих и чужих публицисты продемонстрировали существенную неприязнь к модернизационным процессам. Социальное и национальное сливалось воедино: на страницах «Нового времени» швед-помещик третировал финского торпаря (арендатора земли. – ред.) «как бессмысленное животное» и «заставлял» его противодействовать русским⁵⁸. К последней задаче, по мнению публицистов, нередко подключалась и финская интеллигенция⁵⁹. «Сытые и властные», «имущие», «бароны и бюргеры», «эксплуататоры»⁶⁰ порицались в консервативных текстах с той экспрессией, которая логичнее бы смотрелась на страницах социалистических изданий. Положительно оценивалось духовенство. О «пролетариате» проявляли показную заботу – но в общем массиве текстов он скорее представлял собой угрозу и казался непосредственно связанным с революцией⁶¹. Больше всего публицисты были озабочены положением «мужика», «сельского пролетариата»⁶², рассматривая в нем основную опору престола. Их идеалом было единое государство – единое на всех уровнях (единство власти – монархия, единство религии – православие, единство в экономике – отсутствие социальных противоречий капиталистической модели, единство населения)⁶³.

⁵⁶ *Бородкин*. 1907.3: 3–5, 7, 21; *Владимиров*. 1908: 1, 3, 11, 12, 15, 24; *Новое время*. 1906. 19 сентября.

⁵⁷ *Россия*. 1910. № 1404. С. 1.

⁵⁸ *Новое время*. 1902. 8 января. «Письма из Финляндии».

⁵⁹ *Новое время*. 1900. 30 марта. С. 4; 26 августа. С. 2.

⁶⁰ *Новое время* 1901. 7 марта. С. 3.

⁶¹ *Мустонен*. 1909: 3.

⁶² *Московские ведомости*. 1908. № 73. С. 1; *Новое время*. 1900. 14 (27) марта. С. 2; 1901. 7 (20) марта. С. 3. *Финляндия*. Обзор периодической печати. Вып. XX. СПб., 1914. С. 118. Термин «сельский пролетариат» встречается неоднократно.

⁶³ См. напр.: *Бородкин*. 1913: 3.

Можно сказать, что наиболее четким и последовательным у авторов данного дискурса получился не социальный, а национальный посыл. Они обращались к русским. Это видно и на риторическом уровне. Характерно уже постоянное употребление слова «русский» вместо «российский»⁶⁴. В основном, речь шла про «русское» правительство, «русское» государство и «русский» народ⁶⁵ – причем эти эпитеты использовались, о каких бы конкретных политических, социальных или экономических аспектах ни шла речь. Это заставляет поставить под сомнение способность публицистов предложить российскому обществу начала XX в. оптимальную стратегию развития имперской государственности. Попытки унифицировать империю оборачивались сопротивлением окраин. Это делало государство менее жизнеспособным, особенно в эпоху бурного развития «национальных проектов». Начиная с Екатерины II, российские монархи занимались имперским строительством именно с позиций разнообразия (в рамках одного пространства и единых границ, но признавая и поддерживая значительную специфику регионов – не только в культурном, но и административном, экономическом, социальном и даже политическом отношениях). И эта модель работала. Накануне XX в. эта стратегия изменилась, во многом под влиянием роста собственного, "русского" национально-го проекта⁶⁶. Возобладало стремление к унификации, четко проявившееся в «антифинляндском» дискурсе. В этих условиях обострение «национального вопроса» и всплеск недовольства нерусских народностей были совершенно закономерны.

Итак, с помощью метафор в текстах активно формировалось понятие о «своих» и «чужих» в имперском пространстве, причем этот процесс был связан не только с национальным маркированием, но также с политическим и социальным. Можно встретить мнение, что важнейшая цель метафоры – не сообщать информацию, а породить представления⁶⁷. Создание образов своих и чужих закономерно, если учесть ситуацию, в которой создавались рассматриваемые тексты. Но языковые особенности этих статей свидетельствуют об очень тревожном, обостренном восприятии их авторов. Весь «антифинляндский» дискурс пронизан чувством неуверенности и фрустрации, сочетанием желания оставить все, как есть, вернуться в родную и безопасную тра-

⁶⁴ Шиловский. 1903: 7, 8.

⁶⁵ Россия. 1908. № 685. С. 1; № 755. С. 1; Россия. 1908. № 757. С. 1.

⁶⁶ См. напр.: Христоворов. 2016.3: 187.

⁶⁷ Арутюнова. 1983: 340.

дицию – и невозможностью сохранить привычную идентичность в условиях развития мировой политики начала XX века.

В фокусе данной статьи находится использование группой публицистов к. XIX – начала XX вв. метафорических моделей и вспомогательных лингвистических инструментов в формировании общественного мнения по «финляндскому вопросу». Однако, такие сложные феномены как метафоры ретранслируют не только то, что осознанно хочет сказать автор, но и способы его мышления, внутренние механизмы восприятия различных ситуаций. В «финляндском кейсе» они продемонстрировали, насколько важен для публицистов был поиск своей идентичности⁶⁸. Освещая проблемы финляндского княжества, русские консерваторы-националисты описывали себя и то идеальное общество, в каком они хотели бы жить.

Встает закономерный вопрос – важны ли эти сюжеты, тексты и выводы за пределами «финляндского кейса»? Представим себе здравомыслящего исследователя, занимающегося вопросами бытия Великого княжества Финляндского в составе Российской империи и уже просмотревшего сотни статей в этой связи. Он идет в библиотеку и заказывает годовую подшивку, скажем, «Московских ведомостей» за 1901 год. Придет ли ему в голову анализировать те статьи, в которых «финляндский вопрос» не упомянут ни разу? Наверяд ли. Но если смотреть издание сплошь, станет очевидно, что в статьях про евреев или поляков, или про рабочий вопрос, или вообще по любой более или менее актуальной теме фигурировали те же смысловые и сюжетные ходы, те же метафоры и лексика. Так функционировало мышление публицистов – все значимые проблемы они воспринимали в едином контексте (в полном соответствии с важностью концепта «единство»). И так происходит с любым дискурсом – увидеть и, тем более, оценить его влияние невозможно на основании каких-то отдельных его элементов. Читатель «Московских ведомостей» знакомился с подходом публицистов к финнам системно, считывая из многочисленных статей сам принцип рассмотрения «инородческих вопросов» и проблем внутренней политики. Данные, полученные по «финляндскому вопросу» вскользь, в статьях по другим сюжетам, могли иметь даже больший эффект. В «общем» контексте прочнее усваивались те смыслы в «частном» финляндском кейсе, которые хотели передать публицисты. Но эта же закономерность работала и в обратную сторону. Принципы мышления консерваторов определенного круга, проявившиеся в «ан-

⁶⁸ *Луман*. 1991: 195; 2009: 22, 30–32.

тифинляндском дискурсе», распространялись вовсе не только на проблемы княжества. В этом смысле яркие метафоры действительно структурировали мышление читателя, его общую модель мира. При описании «своих» и «чужих» формировался некий тезаурус – собрание слов-ярлычков, слов-дескрипторов⁶⁹, которые несли в себе четкие отсылки к определенным темам, сюжетам и оценкам. Растиражированные во многих текстах, они становились частью общественного сознания – и влияли на последующие периоды его развития.

Любопытно, что исследователи метафорики отечественных политических текстов XX в. пишут о значимом присутствии в них метафорических моделей, связанных с войной: концептуализация социальных отношений традиционно происходила в терминах войны и военных отношений⁷⁰. Это повышает значимость таких сюжетов и необходимость их исследования. Вместе с тем проведенный выше анализ явно недостаточен для полного понимания специфики метафорического ряда в текстах «национально мыслящих» консерваторов конца XIX – начала XX вв. Понять метафору – значит в какой-то степени воссоздать ее «археологию», проследить путь создания⁷¹, описать контекст зарождения, семантику в момент возникновения, эволюцию смыслов. Только в этом случае можно будет дать более или менее точное заключение о происхождении и месте конкретного дискурса в истории общественной мысли и последующем влиянии его метафор на сознание людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- ГА РФ Ф. 586 (Плеве В.К.). Оп. 1. Д. 1481.
 ОР РГБ. Ф. 224 (Петровский С.А.). Оп. 1. Ед. хр. 15.
 РГВИА Ф. 59 (Н.И. Бобриков). Оп. 1. Д. 13, 15.
 Абов Г.А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк. СПб., 1901.
 Алексеева-Борель В.М. 40 лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.
 Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. 4-5. М., 1980.
 Богданович А.В. Три последних самодержца. М.-Пг., 1924.

⁶⁹ См. напр.: Баранов, Михайлова, Сатаров, Шипова. 2004: 19.

⁷⁰ Плотникова. 2006: 185.

⁷¹ Шахнарович, Юрьева. 1988: 109.

- Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904.
- Он же.* Итоги столетия. Харьков, 1909.
- Он же.* Национальность в науке. СПб., 1912.
- Он же.* О «Рассказах прапорщика Столя». СПб., 1910.
- Он же.* Памятка о М.В. Ломоносове. Харьков, 1913.
- Он же.* По шаблонам и трафаретам. О критике барона С. Корфа. Гельсингфорс, 1915.
- Он же.* Современные беседы. СПб., 1907. Т. I–III.
- Он же.* Финляндский вопрос. СПб., 1905.
- Витушкин Ф.* Военный бунт в Финском заливе. СПб., 1906.
- Владимиров С.* Что делается у нас в Финляндии? М., 1908.
- Вяземский Н.* Самозванцы и самозванщина // Россия. 1906. №7.
- Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб., 1898.
- Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996.
- Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914–1916 гг. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
- Каменский К.* Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб., 1908.
- Корево Н.Н.* Доклад Н.Н. Корево по финляндскому вопросу. Справка. СПб., 1910.
- Куприна К.А.* Куприн – мой отец. М., 1979.
- Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2.
- Лемке М.* 250 дней в Царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). СПб. 1920.
- Луото К.* Правда. СПб., 1910.
- Мецкерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1908. №9.
- Мицлов С.* Трапезондская эпопея. // Литература русского зарубежья. Антология. М., 1991. Т. 2.
- Мустонен И.А.* Разоблачение тайн. Взаимные отношения революционеров и социалистов в Финляндии. Бесплатное приложение к газете «Окраины России». СПб., 1909.
- Ордин Б.К.* От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Исследования, статьи, записки и письма. СПб., 1908. Т. 1.
- Ордин К.Ф.* Нечто о Финляндии с точки зрения русского человека // Ордин К.Ф. Собрание сочинений... Т. I.
- Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889 – 1927. СПб., 2004.
- Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999.
- Сергеевский Н.Д.* Ешь меня, собака! (Наша главная болезнь). СПб., 1907.
- Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924.
- Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб., 1911.
- Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб., 1910.
- Финляндская окраина в составе русского государства. СПб., 1906.

Шиловский П.П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Гражданин. 1907 № 14; 1908. №№ 2, 23, 33–34, № 41–42; 1909. № 77–78, 87–88; 1910. №№ 4, 11, 21, 41; 1911. № 38.

Московские ведомости. 1908. №№ 2, 61, 73, 108, 125.

Новое время. 1900. 14 марта; 30 марта; 26 августа. 1901. 7 (20) марта. 1902. 8 января; 1906. 8 февраля, 10 февраля, 30 марта, 13 июля, 19 сентября; 1907. 1 января, 10 мая, 22 мая, 21 июня, 23 июня, 7 июля, 1 ноября; 1909. 7 февраля.

Россия. 1906. № 26; 1908. №№ 685, 692, 755, 757, 891; 1910. №№ 1314, 1362, 1366, 1383, 1393, 1404, 1423, 1436, 1502.

Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 апреля; 1912. 3 марта.

Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XX. СПб., 1914.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие // Проблемы структурной лингвистики. М., 1983.

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., 1991.

Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шилова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Лакофф Дж. Философия во плоти // Разум. М., 2017.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.

Луман Н. Самоописания. М., 2009.

Он же. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М., 1991. Вып. 1.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. II. М., 1992.

Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка. М., 2004.

Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987.

Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). Екатеринбург, 2006.

Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. М., 2004. Т. I–II.

Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

Хазгерев Г.Г. Политическая риторика. М., 2002.

Христофоров И.А. Великие реформы в контексте российской истории XIX века // Реформы в России. С древнейших времён до конца XX в. В 4 т. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2016. С. 78–135.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи. Дисс. на уч. зван. док. филол. наук. М., 2001.

Она же. Стратификация немецкой общественно-политической речи. М., МГУ, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.....123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.....176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДом: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс*. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха». М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.).....218

SUMMARIES.....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....232

СОДЕРЖАНИЕ.....233

CONTENTS.....235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----